

УДК 94(430).08+17.023.33

ОБОСНОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИОНИСТСКОЙ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ В РАБОТАХ КАРЛА КАУТСКОГО

© 2011 г.

С.В. Малов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sergey_malov@freemail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2011

Рассматриваются этические взгляды социал-демократического теоретика Карла Каутского. Делается вывод, что в эклектической этической модели Каутского, включавшей марксистские и неокантианские идеи, преимущественное положение занимали эволюционистские натуралистические принципы, обеспечивавшие общую направленность и единство всей концепции.

Ключевые слова: Карл Каутский, история СДПГ, теория II Интернационала, этическая модель социализма, эволюционистская натуралистическая этика.

Для теоретика социал-демократической партии Германии К. Каутского этические проблемы не представляли основного интереса, однако в ходе дискуссии с неокантианцами и «ревизионистами» на рубеже XIX–XX столетий он был вынужден дать характеристику этическому наследию марксизма и предложить собственную этическую модель. Нельзя сказать, что эта модель была оригинальной для указанного периода – в ней отразилось большинство модных веяний. Но в эклектической этической концепции Каутского изначально доминировало начало, благодаря которому его модель можно охарактеризовать как эволюционистскую натуралистическую этику¹. В данной статье предпринимается анализ этических взглядов Каутского, который представляется важным для понимания сути социал-демократических дискуссий по этическому вопросу, так как он являлся видным партийным теоретиком и предпринял значимую попытку преобразования марксистской этики.

В исследовательской литературе этическое наследие Каутского пользовалось меньшим вниманием, чем политические, социально-экономические или исторические воззрения, однако можно выделить сложившиеся направления интерпретации его этической модели. Следует отметить значительное число исследователей, признающих её эклектический характер. Большинство авторов видят в этом существенный недостаток этической модели Каутского. В советской историографии его эклектизм дал повод для создания теории «двух Каутских» – «революционного марксиста» и «буржуазного либерала», а постулируемая неразличимость этики и социально-политической

программы вела к признанию заметного противоречия в этике [1, с. 42]. Очевидно, что этот тон критики «рenegатства» был задан работами В.И. Ленина [2, с. 250]. Впрочем, решительная критика эклектизма Каутского вызывала необходимость теоретической переоценки наследия других деятелей II Интернационала и создавала трудности в поиске «подлинно марксистских» элементов в СДПГ на рубеже XIX–XX вв.² Поэтому в советской историографии побеждает другое направление, согласно которому позиция Каутского как эклектика находится между революционным марксизмом и ревизионизмом, и лишь в период между 1910–1914 гг. он отходит к последним³. Благодаря этому была обеспечена некоторая дистанция – эклектизм включал элементы марксизма, равно как и дарвинизма, позитивизма, неокантианства. Для другой части исследователей эклектизм представляется результатом открытости и незашоренности Каутского как теоретика, воспринимавшего различные взгляды и совмещавшего их с собственными идейными установками⁴. Однако в большинстве работ признаётся исключительное значение дарвинистских эволюционистских натуралистических идей, за счёт которых он выстраивал своеобразную модель марксистской этики⁵. В соответствии с этим вклад Каутского в развитие марксистской теории оценивается неоднозначно. Сюда относятся споры, насколько марксистская теория была им развита, в том числе и в области этики. Если марксистский характер его идей почти не отрицается, то оригинальность его вклада в марксизм оспаривается многими. Во-первых, можно отметить критику «центризма» Каутского, разрабатывавшуюся

преимущественно в идеологизированной коммунистической историографии, в которой критиковались вынужденные компромиссы 1914–1919 гг., способствовавшие разрыву с новообразовавшимися радикальными коммунистическими силами. В этом случае «эклетицизм» интерпретируется как отход от революционного марксизма [4–5; 16–21]. Во-вторых, выделяется более основательная критика Каутского как теоретика со стороны философов и представителей так называемого «неомарксизма», в которой «эклетицизм» рассматривается как проявление догматической привязанности к несовместимым учениям и одновременное забвение революционности самой диалектики как метода [22–25]. Эта критика переходит и в последующие работы, посвящённые истории социал-демократии [3; 26–29]. В-третьих, позиция Каутского интерпретируется как догматическая теоретиками социал-демократии, принявшими тезисы о «деидеологизации» партии, которые были оформлены в Годесбергской программе в 1959 году [11; 30–31]. В то же время отдельные исследователи, напротив, указывают на особую роль Каутского в деле противостояния партийному догматизму [6] или преувеличенно подчёркивают его значение в развитии социалистической доктрины, предпочитая Каутского даже самому Марксу [32]. Мы же попробуем, не впадая в крайности, рассмотреть его этическую модель на основе его работ.

В своих ранних работах Каутский касается этических проблем, правда, к их решению он подходит вооружённым преимущественно социал-дарвинистской методологией. В статьях «Общественные инстинкты в мире животных» (1883) и «Общественные инстинкты у людей» (1884) Каутский развивает положение о том, что стремление к обществу как у животных, так и у людей развивается бессознательно на уровне смутно ощущаемых влечений, получающих закрепление в инстинкте. Общие инстинкты способствуют выживанию и добыче пищи, то есть дают заметные преимущества общественным животным. В качестве особого инстинкта, по мнению Каутского, в среде общественных животных развивается чувство взаимной симпатии, которое способствует защите интересов как целого коллектива, так и его отдельных членов перед лицом внешней опасности, поэтому у общественных животных развивается самоотверженность. Эта внеисторическая гипотеза усиливается базовым утверждением Каутского, что движущей силой развития животных и человеческих обществ является борьба за существование [33, S. 27]. Он призна-

ёт, что меняющиеся исторические условия способны оказать влияние на общества, но лишь в той мере, насколько они могут стать ареной для развития инстинктов. Социал-дарвинистская позиция Каутского предполагала одностороннее выведение нравственных норм из унаследованных общественных инстинктов, развитие которых отождествлялось с развитием общественных форм [33, S. 72]. Такая односторонность Каутского может объясняться его неприятием «метафизических» этических концепций, исходящих из примата должного. Однако нельзя сказать, что его концепция настолько свободна от «чистых» внеисторических допущений. Она опирается на предположение, что в естественном состоянии животным и людям свойствен широкий коммунизм, который взаимообусловлен борьбой за существование, воспитавшей у человека чувство общительности, солидарность и честолюбие. Но Каутский вынужден признать, что гармония медленно уступает место борьбе интересов. Сила борьбы интересов заставляет людей объединяться и подчинять индивидуальные интересы общественным, что достигает апогея при появлении крупного производства.

Важной работой из этического наследия К. Каутского является его полемическая статья против Людвиг Квесселя «Классовая борьба и этика» (1901). Каутский настаивает на необходимости различения нравственного чувства и нравственных норм. Нравственные нормы, полагает он, суть продукты общественного развития и являются исключительной особенностью человеческого общества. В противоположность нормам, нравственные чувства, определяющие чувство долга, являются инстинктивными. Чувство долга является не случайной особенностью отдельного индивидуума, а характерным признаком целого вида. Здесь, как мы видим, Каутский модифицирует свои ранние идеи, противопоставляя осознанную общественную деятельность, выраженную в нравственных нормах, и бессознательную общественную деятельность, закреплённую инстинктами. В то же время вместе с натурализацией нравственного чувства утверждается его производность от деятельности головного мозга. На данном этапе Каутский считает необходимым синтез марксизма и дарвинизма как родственных взглядов на общественное развитие человека, так как в борьбе за существование действенным орудием является общество, а чувство симпатии является общественным чувством [34, с. 97]. В эпоху развития классового общества сознание солидарности, основанное на чувстве симпатии,

предполагает развитие классового сознания. Это натуралистически детерминированное чувство, согласно Каутскому, является одновременно облагораживающей и возвышающей моральной силой пролетариата, которое предполагает сознание обязанностей индивида по отношению к общественному целому [35, S. 240].

Каутский видел противоречия предложенной этической концепции и пытался уравновесить внеисторические моральные источники и исторически модифицируемые конкретные нравственные нормы. В статье «Ещё раз об этике» Каутский делает акцент на различении моральных требований и моральных сил. Моральные силы аккумулируют всё то, что ранее Каутский относил к действию законов борьбы за существование – бессознательных склонностей и побуждений, утверждающихся в качестве инстинктов. Но моральные силы более не являются односторонним определителем вектора развития моральных воззрений и требований. Моральные требования соотносятся с конкретной социально-экономической ситуацией в обществе, причём, как отмечает Каутский, чем сложнее и многослойнее это общество, тем более многообразными становятся моральные требования. Положение в классовом обществе предполагает особый набор моральных требований, отличный от набора другого общественного класса. Здесь Каутский останавливается, ограничиваясь утверждением о том, что строго научное изучение моральных требований возможно, но не указывает методов этого изучения. Постепенно ограничивая поле действия натуралистических факторов (нравственных инстинктов), Каутский подходит к необходимости логического признания нравственного релятивизма, но из политических соображений он вынужден перейти к прокламации нравственно-воодушевления пролетариата [36, S. 63].

Из теоретического тупика требовался выход, который Каутский пытался найти в работе «Этика и материалистическое понимание истории» (1906). Одной из вершин этической мысли и одновременно главным идейным противником Каутский называет Иммануила Канта, полагавшего, что познание мира складывается из данных чувственного опыта и организации познавательной способности человека. Согласно Канту, человек, как часть чувственного мира, подчиняется закону необходимости, а как вещь в себе – человек совершенно свободен. Нравственный закон возникает из разумного мира, неизбежно требуя наличия ближних, к которым его действие и относится. Но нравственный закон возможен лишь в гармоническом обществе,

в котором общие ценности уравнивают различные интересы [37, S. 582–583]. С подобной постановкой вопроса Каутский категорически не соглашается, объясняя это тем, что Кант требования предъявляет не обществу, а отдельному человеку [38, S. 35–36].

Платон и Кант, отмечает Каутский, обосновывали мораль, исходя из представлений о двойственности человеческой природы. Подъем материализма означал усиление интереса к естественно-научной стороне вопроса. И здесь Каутский возвращается к своей излюбленной теме. Социал-демократический теоретик полагает, что только Дарвин смог доказать, что альтруистические чувства не являются исключительными для человека, что и в органическом мире можно найти этическую целесообразность. Преимущества человека перед другими организмами заключаются в особом развитии произвольных движений и познавательных способностей, которые становятся решающим фактором в ходе борьбы за существование. При этом, отмечает Каутский, духовные способности развиваются не для чистого познания, а для эффективного использования имеющихся знаний в ходе борьбы за существование. Таким образом, только практика обеспечивает познание. Однако произвольное движение и познавательная способность делаются действительными орудиями лишь в случае соединения со стремлением к самосохранению и размножению отдельного организма. Инстинкт самосохранения остаётся первичным и необходимым для существования индивида.

В установленной Каутским иерархии социальные инстинкты составляют следующий уровень. Благодаря разделению труда и соединению многообразных функций общество становится самостоятельным организмом. В общественных организмах высокой сплоченности социальные инстинкты даже могут победить индивидуальные инстинкты самосохранения. Поэтому, утверждает Каутский, кантовские принципы являются само собой разумеющимися в любом животном сообществе, но парадокс видится ему в том, что только люди в своей общественной организации сумели отказаться от них. В человеческом обществе недостает любви к справедливости и стремления к равенству, на которых должен основываться нравственный закон. И поскольку многие животные существуют вполне согласно кантовскому принципу, то Каутский утверждает, что «нравственный закон есть не что иное, как животный инстинкт» [38, S. 63]. Таким образом, нравственное чувство коренится не в особенности позна-

вательной способности, а в естественной инстинктивной жизни.

Важнейший этап развития этики Каутский связывает с марксизмом. Медленный бессознательный процесс развития организмов путем борьбы за существование сменяется сознательным превращением и усовершенствованием орудий труда. Власть общества над природой увеличивается, но тем более усиливается власть общества над каждым индивидом. Человеческое общество господствует над индивидом, определяя его развитие и создавая свой обособленный мир, отличный от остальной природы. Во всё более усложняющемся обществе основной формой борьбы за существование становится конкуренция как отдельных производителей, так и конкуренция производителей и рабочих, выливающаяся в особую форму классовую борьбу. Социальные инстинкты призваны способствовать сплочению общества. Нравственное чувство распространяется только по отношению к членам данной общности, которая при прогрессирующем разделении труда стягивает всё большее число людей, на которых распространяется принятая нравственность. Каутский признаёт, что не всегда можно точно установить связь между определенными нравственными воззрениями и общественными отношениями, так как индивид может черпать нравственные нормы без всякого сознания их общественных причин. Поэтому некоторые нормы в силу привычки могут хранить своё значение в течение более длительного периода, даже когда общественные отношения продвинулись вперёд. Но это не значит, что мораль живёт своей автономной жизнью, так как порождается только благодаря противоречиям внешнего материального мира [38, S. 129].

Господствующая классовая мораль, утверждает Каутский, вызывает множество противоречий, порождающих утилитарное отношение к морали, лицемерие и ханжество. Угнетаемые не имеют ни малейшего основания бороться за эту мораль, и чем более они осознают свою противоположность господствующему порядку, тем более они противопоставляют ему свой нравственный идеал, формулирование которого является прерогативой этического идеализма (который нельзя, по мнению Каутского, смешивать с философским идеализмом) [38, S. 135]. Постулируемый нравственный идеал оказывается комплексом желаний и стремлений, вызванных противоборством существующему состоянию. Но, оговаривается теоретик, новое общественное состояние, которое придёт на смену нынешнему, не является порождением этого идеа-

ла, так как зависит от наличных материальных условий. Исторический материализм призван сместить нравственность с небесных высот и придать ей животное и общественное обоснование. Беспристрастное научное отношение к проблемам этики составляет существенную часть исторического материализма⁶.

Каутский предложил свою этическую модель, в которой по-прежнему доминирует социал-дарвинистское начало, подкреплённое марксистским детерминизмом и впитавшее кантианскую идею. Он не идёт на решительный разрыв с влиятельным неокантианством, признавая справедливость суждений о нравственном законе, которые, как стоит заметить, служили средством против этического релятивизма, с которым Каутский сталкивался ранее⁷. Однако внеисторическая модель нравственного закона переносилась на условный период складывания человеческого общества, в котором, по убеждению социал-демократического теоретика, царил взаимная симпатия. Кантианство здесь уравновешивается представлениями о животных источниках происхождения морали, а их синтез позволяет этизировать натуралистическую модель. Марксизм придает этой модели исторический динамизм, способствуя различению описанных внеисторических моральных сил и моральных требований, сопутствующих каждой социально-экономической стадии. Однако постулируемый Каутским этический идеализм предполагает отрыв этики от исторического хода развития, так как сохраняет по меньшей мере дуализм направленного экономического развития и комплекса смутных желаний и стремлений.

Понимая свою вынужденную близость к кантианству, Каутский продолжает нападки на него. Так, в статье «Жизнь, наука и этика» (1906) он переходит к откровенным обвинениям кантовских нравственных принципов в надуманности. В большей степени резкость Каутского объясняется позицией социал-демократического теоретика Отто Бауэра, рьяно защищавшего Канта [41, S. 518–519]. Формализму кантианства Каутский противопоставляет «жизненные принципы» выбора перед лицом альтернатив, вытекающих из условий жизни самого организма и его социального окружения.

Новые мотивы обоснования натуралистической этики отчетливо видны в этапной работе Каутского «Путь к власти» (1909), в которой автор указывает на исключительное значение воли в общественной практике. Теоретик пытается преодолеть явный дуализм воли и объективного социально-экономического развития,

который проявлялся в работах «ревизионистов». Любая экономическая теория, по его убеждению, превращается в пустое жонглирование понятиями, если не исходит из признания человеческой воли движущей силой всякого экономического процесса. Но человеческую волю как конкретное направленное желание он отличает от метафизической конструкции «свободной воли». Эта конкретная человеческая воля оказывается, однако, производной от воли к жизни, возникшей вместе с жизнью у организмов, наделенных способностью к познанию, и лежащей в основе осознанной экономической деятельности [42, с. 49]. Каутский развивает эволюционистские идеи о закрепляющихся и передающихся по наследству в виде инстинктов волевых стремлениях, приспособленных к конкретным природным и социально-экономическим условиям. К многозначному понятию «воли к жизни» он подходит со всей решительностью, отождествляя социально-экономические устремления с развившимися в ходе эволюции инстинктами. Перенос модели «борьбы за существование» на социально-экономическую ситуацию позволял рассматривать капиталистов и рабочих как непримиримых конкурентов, но отнюдь не способствовал обоснованию ранее заявленного Каутским «этического идеализма». Ему удаётся примирить волю и экономический детерминизм, но только за счёт этики⁸. Если единая для всех «воля к власти» движет как капиталистами, так и рабочими, то классовая борьба приобретает всё большую объективность, но при этом совершенно деэтизируется. Поэтому социал-демократический теоретик приходит к необходимости обозначить её как бессознательно протекающий процесс.

Итоговой работой Каутского, в которой он предпринимает попытку рефлексии на тему социал-дарвинизма и эволюционистской натуралистической этики, является статья «Размножение и развитие в природе и обществе» (1910). В предисловии автор открыто признаёт, что долгие годы являлся приверженцем дарвинизма и позитивизма Бокля. Для обозначения исходной позиции Каутский утверждает, что общество является лишь особенной частью природы, поэтому имеет законы, которые в целом не отличаются от законов природы. Поэтому познание природы является предварительной частью познания общества. Хотя, признаёт он, только рассматривая их отдельно от законов природы, можно понять их специфику [44, с. 15]. Для пояснения собственных взглядов Каутский занимается сравнением учений Дарвина и Мальтуса. Несмотря на то, что оба учения сходятся в при-

знании способности организмов к бесконечному размножению, существенной ошибкой Мальтуса Каутский считает рассмотрение человеческого общества в отрыве от животного мира, в то время как дарвинисты выводят необходимость постоянной борьбы организмов за средства существования, так как равновесие между уничтожением и размножением организмов представляется как основная динамическая тенденция, а не неподвижно-устойчивое состояние. Ни один вид не имеет возможности размножаться за пределами своих средств существования, так как в действие постоянно вступают разрушительные силы природы. В ходе борьбы за существование вносится единство в разнообразие впечатлений, благодаря чему у человека складывается общая картина мира. Экономические потребности способствуют развитию техники, а труд действует воспитательным образом на дух человека. Но положение в процессе труда оказывает воздействие на картину мира, поэтому, утверждает Каутский, каждый класс разовьёт свойственное ему миропонимание, которое определяется его положением в обществе. Поэтому в определенном значении уместно говорить о буржуазной или пролетарской науке.

Важным фактором развития человечества Каутский считает размножение, в котором он рассматривает природный нравственный завет – исполнять функции, ведущие к размножению только при благоприятных условиях. Социализм, рассматриваемый в качестве эффективного социально-экономического порядка, а следовательно, и способствующий размножению, столкнётся, по мнению Каутского, с проблемой перенаселения только в том случае, если не будут предприняты меры по отбору и улучшению потомства. Эти евгенические методы будут сочетаться с увеличением досуга и нравственности. Целью же социалистического общества оказывается создание нового рода сильных, красивых людей, совершенствующих свои способности [44, 161].

На основании вышеизложенного можно заключить, что этическая концепция Каутского, хотя и претерпевала существенные изменения и апеллировала к социально-экономическим факторам, оставалась эволюционистско-натуралистической. Предполагая значительное влияние природных факторов, возведенных в ранг законов, он проецировал их на общество. Дарвинистская концепция «борьбы за существование» так и не была оставлена им, хотя он и пытался придать ей динамическое значение, сочетая её с марксистскими положениями классовой борьбы.

Модель Каутского предполагала внеисторические моменты царства «симпатии», характерного для доисторического, приближенного к животной этике общества, и социализма, который также вырывается у социал-демократического теоретика из исторических связей необходимости, предполагая некое этически совершенное состояние. Исторический динамизм присущ, по Каутскому, периоду «борьбы за существование», в котором проявляется и обостряется «воля к жизни». Апеллируя к «воле к жизни» как основному природному завету, он, однако, не указывает, что её развертывание возможно именно в «историческую» фазу, которая характеризуется этическим релятивизмом противоборствующих классов. При всем своём желании избежать метафизических принципов типа внеисторической «свободы воли», Каутский вынужден считаться с ними, относя их к «природному» или социалистическому периоду. Противоречия концепции заставляют его метаться от этического универсализма натуралистических принципов (пресловутые «моральные силы», «нравственное чувство», «воля к жизни» и «этический идеализм») к релятивизму социально детерминированных этических норм («нравственные нормы», «моральные воззрения», «классовая мораль»), предпринимать попытки примирения натуралистических принципов («воля») и социально-экономических законов. Но сделать это социал-демократический теоретик мог только утверждая этическую цель развития, в которой примиренными оказались бы повлиявшие на него дарвинизм, марксизм и кантианство. Биологизированная «воля к жизни», ставшая водоразделом в борьбе классов за средства существования, могла стать этическим стимулом только при наделении рабочего класса более сильными жизненными импульсами. Именно это и предполагается в работах Каутского. Этизация классовой борьбы учитывала эти импульсы в контексте социально-экономического динамизма и приводила к теории социально детерминированного совершенствования базовых инстинктов.

Примечания

1. В этической теории «натуралистическая этика» понимается двояко. В более широком смысле она предполагает выводимость нравственных понятий из описательных эмпирических понятий, рассматриваемых в качестве естественных. Этика предстаёт как эмпирическая позитивная наука, выводящая свои доводы индуктивно. В более узком понимании натуралистическая этика рассматривает в качестве естественных социальные инстинкты, общие для человека и животных. Поскольку во втором смысле апелляции

к природе связаны с эволюционистским учением Ч. Дарвина и выводятся гипотезы о генезисе отдельных социальных инстинктов у человека, более точно обозначать эту доктрину именно как эволюционистскую натуралистическую этику.

2. Собственно, с этими трудностями сталкивается И.М. Альтер в своей «разоблачительной» работе. Выстраивая линию преемственности враждебного «подлинному» марксизму «центризма», включающую Лассаля, Бебеля и Каутского, он, во-первых, автоматически ставит под сомнение один из центральных тезисов о том, что к 1891 году в СДПГ победил революционный марксизм, а во-вторых, допускает возможность того, что марксистские идеи могут разделяться или быть имитированы «буржуазным» учёным [1, с. 6]. Сходную и более последовательную позицию занимает Х.-Й. Штайнберг, одно время полагавший, что именно эклектическое соединение разнородных доктрин (в том числе и дарвинистского натурализма) под общей вывеской «марксизма» стало официальной доктриной немецкой социал-демократии уже к концу XIX века [3, S. 23].

3. На эти особенности эволюции Каутского указывают многие исследователи. Г.П. Адамян рассматривает его этические взгляды как эклектическое смешение спенсеровского позитивизма, неокантианства, естественно-научного махизма и дарвинизма Ламарка [4, с. 30–36]. С.М. Брайович считает, что исходные вульгарно-материалистические воззрения Каутского так и не были преодолены им полностью [5, с. 28].

4. Особое место занимает программная статья Р. Хюнлиха, в которой автор предлагает отказаться от интерпретации наследия Каутского как дарвинистского эволюционизма, поскольку он рассматривал марксизм как недогматическое и индетерминистское учение, включающее большую долю волюнтаризма [6, S. 50–51]. Это замечание важно, но волюнтаристские мотивы совсем не противоречат объективизму, которому следует Каутский в своих работах.

5. Довольно однозначно о связи дарвинизма и марксизма как определяющем элементе мировоззрения Каутского пишут многие исследователи [7, S. 24–27; 8, S. 30; 9, S. 41–42; 10, S. 86; 11, S. 66; 12, S. 40; 13, S. 245; 14, S. 506]. А Х.-Й. Штайнберг полагает, что эта связь была своеобразным выражением «духа» времени [15, S. 24].

6. Каутский резюмирует: «Наука стоит над этикой, её результаты также мало нравственны или безнравственны, как мало нравственна или безнравственна необходимость» [38, S. 141–142]. Об этом см.: [39, с. 30–31].

7. В этом отношении показательным принципиальное сходство идей Каутского со взглядами философа-неокантианца Ф.А. Ланге, рассматривавшего капитализм как прямую реализацию принципа «борьбы за существование», но считавшего, что переход к принципиально иному обществу возможен вопреки «борьбе за существование» и благодаря заложенным в человеческую природу нравственным принципам [40, с. 78]. Важно именно это расхождение: если Ланге адаптировал учение Дарвина и рассматривал

как отображение негативного «грубого» принуждения, то Каутский склонялся к признанию непрерывности эволюции человеческого общества. «Революция» в морали – лишь запоздалое признание произошедших изменений.

8. Это примирение вполне возможно в рамках эволюционистской натуралистической этики, как справедливо заметил Дж.Э. Мур: «ход эволюции, показывая направление, в котором идёт наше развитие, уже тем самым показывает направление, в котором мы должны далее развиваться» [43, с. 75].

Список литературы

1. Альтер И.М. Демократия против революции. Учение Каутского о революции. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1930. 235 с.
2. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37 (5-е издание). М.: Политиздат, 1969. С. 235–338.
3. Steinberg H.-J. Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie: zur Ideologie der Partei vor dem I. Weltkrieg. Hannover: Verlag für Literatur und Zeitgeschehen, 1969. 176 S.
4. Адамян Г.П. Каутский в борьбе с материалистическим пониманием истории. М.–Л.: СОЦЭКГИЗ, 1934. 110 С.
5. Брайович С.М. Карл Каутский – эволюция его воззрений. М.: Наука, 1982. 230 с.
6. Hünlich R. Gab es einen Kautskyanismus in der Epoche der II. Internationale? // Marxismus und Demokratie: Karl Kautskys Bedeutung in der sozialistischen Arbeiterbewegung. Fr. am Main–N.Y.: Campus Verlag, 1992. S. 47–56.
7. Hünlich R. Karl Kautsky und der Marxismus der II. Internationale. Marburg: Verlag Arbeiterbewegung und Gesellschaftswissenschaft, 1981. 351 S.
8. Salvadori M. Sozialismus und Demokratie: Karl Kautsky. 1880–1938. Stuttgart: Klett–Cotta, 1982. 575 S.
9. Laschitz A. Karl Kautsky im Widerstreit zwischen Marxismus und Opportunismus 1905 bis 1914 // Karl Kautsky: Referate und Beiträge der haleschen Konferenz anlässlich des 50. Todestages. Halle: Martin–Luther–Universität, 1990. S. 26–47.
10. Harstick H.-P. Karl Kautsky und Friedrich Engels // Marxismus und Demokratie: Karl Kautskys Bedeutung in der sozialistischen Arbeiterbewegung. Fr. am Main–N.Y.: Campus Verlag, 1992. S. 75–92.
11. Meyer T. Karl Kautsky im Revisionismusstreit und sein Verhältnis zu Eduard Bernstein // Marxismus und Demokratie: Karl Kautskys Bedeutung in der sozialistischen Arbeiterbewegung. Fr. am Main–N.Y.: Campus Verlag, 1992. S. 57–71.
12. Waldenberg M. Kautskys Marx-Rezeption // Marxismus und Demokratie: Karl Kautskys Bedeutung in der sozialistischen Arbeiterbewegung. Fr. am Main–N.Y.: Campus Verlag, 1992. S. 31–46.
13. Rautio V.-M. Die Bernstein-Debatte: die politisch-ideologischen Strömungen und die Parteideologie in der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands 1898–1903. Helsinki: SHS, 1994. 377 S.
14. Simons G. Karl Kautsky: Der Weg zur Macht (1909) // Neue Gesellschaft: Frankfurter Hefte. 1995. Bd. 42. H. 6. S. 505–508.
15. Steinberg H.-J. Kautskys Stellung in der Geschichte der sozialistischen Arbeiterbewegung und seine Bedeutung für die Gegenwart // Marxismus und Demokratie: Karl Kautskys Bedeutung in der sozialistischen Arbeiterbewegung. Fr. am Main–N.Y.: Campus Verlag, 1992. S. 17–28.
16. Слепков А. К характеристике идеологии германской социал-демократии // Астров В., Слепков А. Социал-демократия и революция. М.: Московский рабочий, 1927. С. 9–105.
17. Галкин И.С. Второй Интернационал (1889–1914 гг.). М.: типография ВППШ при ЦК ВКП(б), 1949. 94 с.
18. Чагин Б.А. Из истории борьбы против философского ревизионизма в германской социал-демократии (1895–1914 гг.). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 344 с.
19. Овчаренко Н.Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М.: Мысль, 1975. 319 с.
20. Strutynsky P. Die Auseinandersetzungen zwischen Marxisten und Revisionisten in der deutschen Arbeiterbewegung um die Jahrhundertwende. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1976. 344 S.
21. Klein H.-D. Karl Kautsky als Theoretiker der Internationalen Sozialdemokratie nach 1917 – Anspruch und Wirklichkeit // Karl Kautsky: Referate und Beiträge der haleschen Konferenz anlässlich des 50. Todestages. Halle: Martin–Luther–Universität, 1990. S. 48–73.
22. Лукач Д. История и классовое сознание. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.
23. Корш К. Марксизм и философия. М.: Октябрь мысли, 1924. 91 с.
24. Маркузе Г. Разум и революция. СПб.: Владимир Даль, 2000. 542 с.
25. Colletti L. Bernstein and the Marxism of the Second International // Colletti L. From Rousseau to Lenin: Studies in Ideology and Society. L.–N.Y.: Monthly Review Press, 1974. P. 45–108.
26. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
27. Kolakowski L. Main currents of Marxism: the founders, the golden age, the breakdown (1978). L.–N.Y.: W.W. Norton & Company, 2005. 1312 P.
28. Клямкин И.М. Революционный марксизм против методологии ревизионизма и центризма. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1988. 183 с.
29. Петренко Е.Л. Карл Каутский: очерк социалистических воззрений. М.: Знание, 1991. 64 с.
30. Klink D. Die Entwicklung des sozialistischen Denkens von Erfurt 1891 bis Bad Godesberg 1959. Hamburg: Peiskretscham o/s, 1960. 159 S.
31. Potthoff H. Die Sozialdemokratie von den Anfängen bis 1945. Bonn–Bad-Godesberg: Neue Gesellschaft, 1974. 229 S.
32. Крегинин С.В. Карл Маркс или Карл Каутский? (к вопросу об идейной идентификации марксизма) // Нестор: историко-культурные исследования. Вып. 3. Воронеж: Центрально-чернозёмное книжн. изд-во, 1994. С. 22–39.

33. Kautsky K. Die Sozialen Triebe in der Tierwelt // Die Neue Zeit. 1883. Bd 1. H. 1. S. 20–27; H. 2. S. 67–73.
34. Каутский К. Происхождение морали // Марксизм и этика. К.: Гос. изд-во Украины, 1925. С. 73–101.
35. Kautsky K. Klassenkampf und Ethik // Die Neue Zeit. 1901. Bd 1. H. 8. S. 233–242.
36. Kautsky K. Die soziale Revolution. В.: Buchhandlung Vorwärts, ca 1918. 113 S.
37. Cohen H. System der Philosophie. 2 Bd. Ethik des reinen Willens. В.: Bruno Cassirer, 1904. 641 S.
38. Kautsky K. Ethik und materialistische Geschichtsauffassung. Stuttgart: Dietz Verlag, 1910. 144 S.
39. Самарская Е.А. Социальная наука и политическое действие // Философия политического действия. Из истории левой политической мысли XX века. М.: Идея-Пресс, 2010. С. 15–39.
40. Ланге Ф.А. Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1892. 323 с.
41. Kautsky K. Leben, Wissenschaft und Ethik // Die Neue Zeit. 1906. Bd 2. H. 42. S. 516–529.
42. Каутский К. Путь к власти // Каутский К. Путь к власти. Славяне и революция. М.: Гос. Изд-во полит. лит-ры, 1959. 152 с.
43. Мур Дж.Э. Природа моральной философии. М.: Республика, 1999. 351 с.
44. Каутский К. Размножение и развитие в природе и обществе. Курск: Курское книгоиздат. тов-во, 1923. 163 с.

JUSTIFICATION OF EVOLUTIONARY NATURALISTIC ETHICS IN KARL KAUTSKY'S WORKS

S.V. Malov

The article deals with the ethical views of the Social Democratic theoretician Karl Kautsky. The author concludes that Kautsky's eclectic ethical model, which included some Marxist and neo-Kantian ideas, was still based mostly on evolutionary naturalistic principles that provided the common focus and unity of the whole concept.

Keywords: Karl Kautsky, history of the SPD, theory of the Second International, ethical model of socialism, evolutionary naturalistic ethics.